

От редакции

Редакция «Вестника БФУ им. И. Канта» поддерживает полемику на страницах журнала по «трудным» вопросам современной исторической науки. Развернувшаяся между Б. Виллемсом и Г. В. Кретининым дискуссия, несмотря на свою эмоциональность, позволила актуализировать несколько важных проблем в истории Восточно-Прусской операции. Авторы обсуждают количество мирных жителей и участников обороны Кёнигсберга, реальную степень вовлеченности гражданского населения в оборону крепости, а также такие вопросы, как полнота и специфика источниковой базы, методы работы с источниками, особенности исторической политики в современной России, историографические стереотипы в нашей стране и за рубежом. К этим темам вновь обращается и в публикуемом ниже письме Г. В. Кретинин. Редакция признательна обоим исследователям за привлечение внимания к разным сюжетам, за новаторскую постановку проблем. В то же время нужно констатировать, что от строго академической дискуссии авторы нередко склонны переходить к обсуждению личностных особенностей ее участников, а это едва ли будет способствовать прогрессу научного знания. Поэтому мы приглашаем к разговору помимо участников дискуссии еще и новых исследователей, рассчитывая на их непредвзятость и готовность высказать аргументированные мнения по поводу вопросов, поднятых в ходе настоящей полемики.

УДК 94 (47)«1945»

Г. В. Кретинин

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ КЁНИГСБЕРГА ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ КРЕПОСТИ В 1945 ГОДУ

Учитывая стремление редакции «Вестника БФУ им. И. Канта» поощрять научную полемику, я откликнулся на статью аспиранта Эдинбургского университета Б. Виллемса [2], подчеркнув, что нидерландский автор подготовил интересный материал, связанный с повседневной историей Кёнигсберга. Одновременно отметил (видимо, все-таки достаточно резко, хотя старался подбирать мягкую тональность), что «нетребовательный, поверхностный подход автора статьи к подбору источников, некорректное их использование, библиографическая небрежность не способствовали успеху в работе над статьей» [8]. С моим

материалом был вначале ознакомлен Б. Виллемс, а не читатели журнала, которые могли бы высказать свою точку зрения. Дискуссия могла получиться более живой, а вышла приватная переписка на страницах одного номера «Вестника».

Знакомясь с весьма эмоциональной реакцией Б. Виллемса на мой анализ, я пришел к выводу о том, что молодому коллеге присуще излишне обостренное восприятие критических замечаний по поводу его научных изысканий. Его реакция отражается на манере аргументации, чаще всего политизированной, поверхностной, с переходом на личные упреки. Может, это развивающаяся мания величия (молодому историку отвечает «бывший полковник Советской армии») или политическая фобия (видеть во всем противостояние России и Запада и «отголоски холодной войны»)?

Б. Виллемс убежден, что в России существует правильный «официальный курс» на исследование истории Второй мировой войны. Отклонение от этой линии чревато, чему пример — ситуация с профессором С. В. Мироненко, опубликовавшим документы о подвиге 28 панфиловцев. Не комментируя того, что произошло с С. В. Мироненко (просто не знаю подробностей), я хотел бы обратить внимание Б. Виллемса, что первым публикатором документов о подвиге 28 панфиловцев стал генерал А. Ф. Катусев еще в 1990 г. [7].

Нидерландский ученый убежден, что я в своих исследованиях придерживаюсь официального курса (если под «официозом» понимаются патриотические воззрения на историю России, то как может быть иначе?), и ему понятно, почему я служу «текущей политической повестке» (весьма расплывчатое понятие, не правда ли?). Он пишет о моем убеждении, что его «западная» предвзятость «просвечивает» слишком ясно [3, с. 24]. Не понятно, откуда эдинбургский исследователь почерпнул сведения о моих «убеждениях». При всем моем уважении к нидерландскому исследователю, молодому, растущему, ошибающемуся — с кем не бывает? — его оценки, скажем, полководческого таланта И. Д. Черняховского меня совершенно не интересуют. Они безграмотны, где-то даже оскорбительны: сравнивая с Черняховским американского генерала Паттона, Виллемс, походя, бросает: «Паттон... был еще хуже [Черняховского], по-моему... Я действительно думаю, что Черняховский не подходил для командования Третьим Белорусским фронтом во время Восточно-Прусской операции» [3, с. 24]. Вспоминается русская пословица про птицу, которая «тоже думала, да в ощиц попала»... Честно говоря, мне совершенно непонятно, почему он, рассказывая о своем посещении Волгограда в 2015 г., решил, что я, сын и зять фронтовиков, хочу поставить под сомнение его уважение к советским генералам и благодарность, которую он испытывает к советскому народу, спасшему мир от коричневой чумы. Уважаемый Бастиаан, я бывал в этом городе неоднократно и хорошо понимаю чувства тех людей, которые доходят до вершины Мамаева кургана. Никакого сомнения у Вас быть не должно — спасибо Вам от россиянина за Ваши чувства.

Однако замечу, что мой оппонент работает с источниками весьма необычным образом. Б. Виллемс, опираясь на директиву Ставки, считает, что, по замыслу командования, Кёнигсберг должен был пасть в конце января — начале февраля 1945 г. Текст этой директивы опубликован в «Русском архиве» и изложен в мемуарах К. Н. Галицкого [6, с. 212; 4, с. 189]. Ничего близкого ко взятию Кёнигсберга там нет. В директиве фронту ставилась задача разгромить тильзитско-инстербургскую группировку противника и на 10–12-й день операции овладеть рубежом Немонин — Норкиттен — Даркемен — Гольдап, после чего развивать наступление на Кёнигсберг по обеим берегам р. Прегель. В документе просто указывается направление дальнейшего наступления на столицу Восточной Пруссии, а не взятие города. Со ссылкой на другую директиву Б. Виллемс утверждает, что Черняховский «не сокрушил Тильзитско-Инстербургскую группировку». Между тем в «Русском архиве» опубликовано целиком «Боевое донесение штаба 3-го Белорусского фронта Верховному Главнокомандующему о разгроме (выделено мной. — Г. К.) Тильзитско-Инстербургской группировки противника» [1, с. 235]. Не хочется верить, что фальсификация становится нормой в работе молодого исследователя.

Для рассказа о советском «пропагандистском фильме» о штурме Кёнигсберга Б. Виллемс использовал мемуары генерала А. В. Горбатова [5], на авторской презентации книги которого мне довелось присутствовать полвека назад. Мне непонятно такое поверхностное, проходное использование воспоминаний генерала Горбатова о Восточно-Прусской операции. Его войска 25 марта 1945 г. вышли к заливу Фришес-Хафф. «“Апокалипсис” регионального масштаба, — то, что там увидели советские бойцы, — не передаваем. Горбатов позвонил маршалу Василевскому, тот подъехал, посмотрел и дал указание: “...увековечить для потомков”» [5, с. 333]. Б. Виллемс произвольно переносит этот факт в Кёнигсберг апреля 1945 г. и в сноске приписывает авторство этой фразы А. В. Горбатову. Понятно, подобных съёмок, в том числе и постановочных, было предостаточно во фронтовой кинохронике с обеих сторон. Но подбор источников исследователем для аргументации своих выводов в данном случае не годится. Да и не только в данном.

Совершенно не обосновано привлечение для темы исследования о судьбе гражданского населения Кёнигсберга материалов дискуссии о танковом сражении под Прохоровкой, контрнаступления Красной армии в 1942 г. Последнее Виллемсом оценивается как «величайшее поражение Жукова», которое игнорировалось советскими (а зачастую и российскими) историками [3, с. 29]. Исследовательская этика требует здесь назвать хоть кого-то из советских и российских ученых, вместо того Виллемс ссылается на американского историка Д. Гланца, у которого он, видимо, почерпнул этот пассаж.

Перейдем все же к вопросу об оценке количества и положения населения Кёнигсберга в феврале — начале апреля 1945 г. Я критически отнесся к привлечению в качестве источников Б. Виллемсом воспоминаний О. Ляша и М. Вика. Он пишет, что рамок статьи в «Вестнике» не

хватило на освещение всех источников, но использовал он документы из восьми архивов, в то время как я ограничиваюсь документами из военного архива в Москве. Правда, в списке литературы и источников его статьи упомянуты всего два. Но главное в другом: «коллекционирование» архивов для исследователя не должно быть самоцелью. Исследование фондов любого архива — долгий и кропотливый процесс. Можно проработать в одном или двух архивах всю творческую жизнь и не успеть (физически!) освоить те объемы документов, которые отложились в их хранилищах. Может быть, у Б. Виллемса исключительная работоспособность, но в таком возрасте, когда сам себя называешь молодым историком, освоить фонды восьми архивов можно лишь весьма поверхностно, экскурсионно, как, вероятно, произошло во время его посещения архива Яд Вашем в Иерусалиме.

Вызывает недоумение отношение Б. Виллемса к исследователям. Вот он упрекает меня: «Вместо того, чтобы изучать спорные вопросы истории войны, сам Г. В. Крети́нин пишет статью о “периодизации Восточно-Прусской операции”... поддерживая ложное впечатление, что в 1945 г. все шло по плану» [3, с. 24]. Ну как тут объяснить неспециалисту в военном деле, что ни одна кампания, ни одна война не проходили по ранее разработанному плану? По плану идет подготовка к войне или к военной операции, но с первым же выстрелом все планы теряют свою силу, в действие вступают положения других документов (например, приказов). И разве периодизация Восточно-Прусской операции 1945 г. — это не «спорный вопрос» истории войны? Официально эта операция завершилась 25 апреля 1945 г, но после этого более двух недель продолжались еще бои, в которых гибли люди с обеих сторон. Важно понять, почему бои на косе Фришинг до недавнего времени оставались вне сферы внимания исследователей.

Историк должен стремиться к объективности. Как тут делить своих коллег, исследователей прошлого, на «чистых» и «нечистых»? По мнению Б. Виллемса, не нужно читать работы «нечистых» — например, Юргена Торвальда, который первым в послевоенной немецкой историографии сообщил о том, что в конце января 1945 г. в осажденном Кёнигсберге оказалось 130 тыс. мирного населения. Я удивился: неужели Б. Виллемс, пользуясь этой цифрой, не читал Торвальда и не интересовался ее происхождением? Как пишет Б. Виллемс, Торвальд — «предвзято настроенный послевоенный журналист», в нацистский период публиковавшийся в журнале «Черного корпуса» СС [3, с. 30]. Выходит, не читал, ибо обращение к нему было бы «заигрыванием с нацистами». Но ведь при таком подходе в стороне остается огромный массив данных, к которым причастны немецкие ученые с разными идеологическими настроениями. А может, данные Торвальда просто не вписываются в построения Виллемса и для облегчения собственных трудов он предпочитает такие вещи просто не замечать? А как же объективность, корректность научного исследования?

Естественно, что особое пристрастие Виллемс испытывает к НКВД. По его словам, это «организация, печально известная больше полити-

ческими репрессиями, нежели “поисками правды”» [3, с. 27]. Понятно, что для западных исследователей эта аббревиатура — настоящая «красная тряпка», но, между прочим, на эту организацию в годы войны возлагалась обязанность по обеспечению безопасности боевой жизнедеятельности советских войск в прифронтовой полосе и в тылу, как и в государстве в целом. Как ни относиться к ее деятельности, а оценка ей дана в российском обществе, но безопасность советских войск в тылу была обеспечена (сравните с тылом вермахта!)

Б. Виллемс упрекает меня в некритичном использовании данных НКВД по количеству военнопленных и мирного населения немецкой провинции после окончания боевых действий, рекомендует — и с этим я совершенно согласен — калининградским студентам изучать сохранившиеся в Государственном архиве Калининградской области отчеты кёнигсбергской полиции за февраль — начало апреля 1945 г. Оппонент считает, что приводимые мной цифры о численности немецкого населения после штурма Кёнигсберга, а впоследствии и во всей провинции, отошедшей к Советскому Союзу, малореальны [3, с. 30]. Ну, не верит он НКВД и всё тут! Его право. Но никто до сих пор аргументированно их не опроверг. Виллемс считает, что подразделения НКВД в отчетах существенно завышали количество военнопленных противника из пропагандистских соображений, приплюсовывали сюда гражданское население. Тут он прав: еще Маршал Советского Союза А.М. Василевский через несколько дней после штурма Кёнигсберга, знакомясь с отчетными документами, конкретно указал: «По-видимому, нам наврали много. Прошу разобраться и доложить, чтобы виновников не оставить забытыми» [10, л. 103].

Что же произошло? В сводке Совинформбюро от 10 апреля было указано количество военнопленных после штурма Кёнигсберга — 92514 человек. Эту массу людей в прифронтовой полосе надо было срочно вывезти вглубь страны. Наркомат путей сообщения под такое количество людей подал подвижной состав (вагоны для перевозки людей). Шла война, каждый вагон в буквальном смысле был на счету. И вдруг оказалось, что значительная часть выделенных вагонов не была использована — оказалось чуть более 70 тыс. человек (см. подробнее: [9, с. 145]). Так появилась ремарка А.М. Василевского. Сводку Совинформбюро уже никто не корректировал, она вошла в анналы восточнопрусской истории, пока мой «некритичный», по словам Б. Виллемса, подход не расставил точки над *i*.

Б. Виллемс продолжает настаивать на «провале усилий по эвакуации из Пиллау» [2, с. 30]. Упорство, достойное лучшего применения! Советские источники ничего не сообщают о немецком населении, оказавшемся в приморском городе после его взятия войсками 11-й гвардейской армии. Его там просто не было. Надо отдать должное немецким войскам, сумевшим эвакуировать гражданское население из города. Возможно, это недостатки перевода, но фраза «отрицательные стороны советской атаки» [3, с. 29] мне тоже непонятна, как непонятны и ссылки на газету «Дас Остпрройссенблатт», которая в действительности ничего не говорит о количестве военнопленных.

Нельзя серьезно воспринимать сообщение М. Вика о том, как в разрушенном Кёнигсберге его специально атаковал советский самолет [3, с. 27]. Фронтовики говорили: «Во время бомбежки каждая бомба летела на тебя». Вику казалось, что самолет атаковал именно его, только так ли было на самом деле? Мемуарами надо пользоваться, но аккуратно.

Б. Виллемс пишет: «Вместо того, чтобы спорить об их (мирных жителей. — Г. К.) количестве, служа текущей политической повестке (а такова, кажется цель профессора Г. В. Кретинина), моя основная цель состояла и будет состоять в том, чтобы сфокусироваться на тяжелых испытаниях, постигших этих несчастных людей» [3, с. 30–31]. Bravo, Виллемс! И то правда, тысяча погибших — меньше, пять тысяч — больше, какая разница! Такие суждения, на мой взгляд, далеки от научной этики.

Подведем итоги. В прошлом отзыве на статью Б. Виллемса я, по сути, выдал аспиранту домашнее задание, порекомендовав быть более требовательным при подготовке материала статьи, ответственнее подходить к подбору и оценке источников, корректнее их использовать, устранить библиографические огрехи. Мало что изменилось.

Оценка: пока невысокая.

Список источников и литературы

1. *Боевое* донесение штаба 3-го Белорусского фронта Верховному Главнокомандующему о разгроме Тильзитско-Инстербургской группировки противника // Русский архив: Великая Отечественная война: Освобождение Прибалтики. Документы и материалы. М., 2001. Т. 15 (4–10).
2. *Виллемс Б.* Между соучастником и жертвой: опыт гражданского населения при осаде крепости Кёнигсберг в 1945 году // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 12. С. 43–51.
3. *Виллемс Б.* Крепость Кёнигсберг в 1945 году: гарнизон и население. Ответ на замечания Г. В. Кретинина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. Вып. 2. С. 23–31.
4. *Галицкий К. Н.* В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армией. М., 1970.
5. *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1989.
6. *Директива* Ставки ВГК командующему 3-м Белорусским фронтом на разгром Тильзитско-Инстербургской группировки противника №220277 от 3 декабря 1944 г. // Русский архив: Великая Отечественная война: Освобождение Прибалтики. Документы и материалы. М., 2001. Т. 15 (4–10).
7. *Катусев А. Ф.* Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. №8. С. 68–82; №9. С. 67–77.
8. *Кретинин Г. В.* ИмPLICITная память, или Вновь о немецком населении Кёнигсберга во время осады крепости в феврале — апреле 1945 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2016. Вып. 2. С. 16–23.
9. *Кретинин Г. В.* Штурм Кёнигсберга в 1945 г.: численность и потери противостоящих сторон и гражданского населения // Проблемы национальной стратегии. 2012. №2. С. 138–154.

10. *Справка* о поступлении военнопленных от армий 3-го Белорусского фронта за время с 6 апреля по 16 апреля 1945 г. // ЦАМО. Ф. 241.Оп. 2593. Д. 845.

Об авторе

Геннадий Викторович Кретинин — д-р ист. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: gvkretinin@gmail.com

About author

Prof. Gennady Kretinin, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: gvkretinin@gmail.com